

РАБОЧИЙ

Иллюстрированное
приложение
к № 93 газ. „Рабочий“.

Москва.

Воскресенье, 25 июня

1922 г.

Молебствие о засухе в России.

Рис. М. Черемных.

Горький
Рябушинский
Пуанкаре.

Тихон

Врангель
Ллойд-Джордж.

Миллюков.
Чернов.

Вольный перевод.

Рассказ Э. Вандервельде.

Был чудный шоньский вечер. Напившись чаю, я сидел в своем номере и наслаждался прекрасным вечером. Вдруг врывается ко мне этот дурак Вотерс, мой секретарь, и кричит:

— Можете себе представить, г-н Вандервельде: около трехсот тысяч!.. Не меньше, чем триста тысяч!

— Позвольте,—говорю я:—надо же по порядку. Кто дает и за что дает? Взять-то, разумеется, мы возьмем, но все-таки интересно бы выяснить... Если дают французские капиталисты, то...

— А, какие там, к черту капиталисты!..

— Позвольте,—опять говорю я:—как же можно так выражаться? О каких бы собственниках ни шла речь, все же...

— Какие там, к дьяволу, собственники! Речь идет о московских рабочих!..

— А-а. Ну, тогда—дело другое. Но, надеюсь, вы осведомились, какими деньгами они дают эту сумму? Триста тысяч дензнаками 22-го года—это прилично, а триста тысяч дензна...

Этот дурак Вотерс хватается за голову:

— Да не деньги! Как будто на свете ничего не бывает кроме денег! Триста тысяч рабочих!..

— Позвольте,—недоумеваю я:—но на что же мне столько рабочих? У меня и фабрик еще нет. Какое я имею отношение к рабочим?

Он, наконец, объясняет: речь идет о том, что в московской рабочей демонстрации против с.-р. участвовало около трехсот тысяч человек.

В первый момент цифра меня ошеломляет. Этот дурак Вотерс, ошеломленный еще раньше, садится рядом со мной и стонет:

— Что же делать? Как написать об этом домой? Ведь не скроешь!.. Ведь эт провал, еще больший провал, чем на суде!

Но я уже овладел собою. Я снисходительно похлопываю его по плечу—и говорю:

— Конечно, писать. Во-первых, правды не скроешь, во-вторых, мы, представители II Интернационала, не должны унижаться до лжи. Берите ваше вечное перо и пишите, но...

— Прибавить, что все демонстранты—агенты ГПУ?

— Вотерс, вы дурак! Триста тысяч агентов, да еще после сокращения штатов?..

— Ага... Пояснить, что в демонстрации исключительно коммунисты?

— Вотерс, вы безнадежный идиот!.. Неужели нам выгодно уверять, будто в одной Москве—триста тысяч коммунистов?..

— Но, в таком случае...

Я вполне овладеваю своими способностями. И, ласково улыбаясь, говорю:

— Правду пишите, Вотерс! Только правду, молодой человек!

— Но, и...

—Одну правду! Но... переведите ее. Этот болван Вотерс делает большие глаза:

— Перевести? На какой язык?

— Фуй, Вотерс! При чем тут язык, когда мы, все-таки интернационал? На курс переведите, а не на язык!

Вотерс слова ошеломлен. Затем делает радостные глаза и подпрыгивает. Я добавляю:

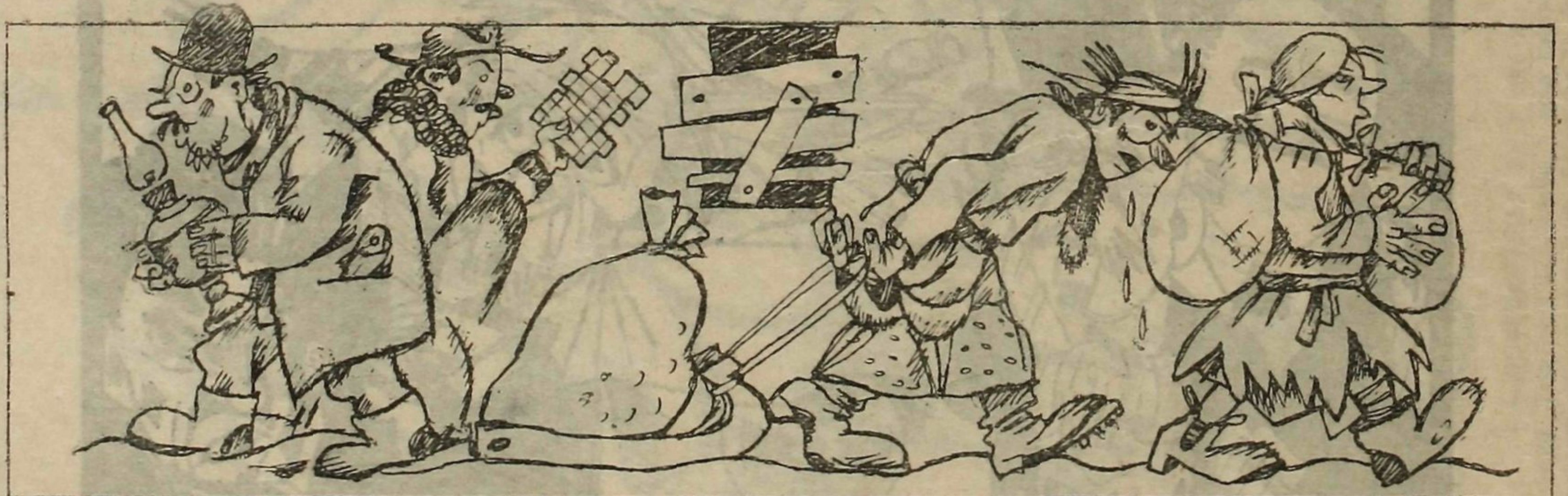
— Миллион—сколько это будет на золото? Один рубль, кажется?.. Ну, вот, вы и переведите, триста тысяч на золотой курс.

Вотерс сияет. Правда торжествует. Если и не точная правда, то не искажение ее, а только... вольный перевод.

Невольню перевел с „ихнего“

Грамен.

ЖИВ КУ

Как в семнадцатом году,
Дорогой лишившись ренты,
Жили будто-бы в аду
Господа интеллигенты.

Их бросало в холод, в жар,
И забыв о белой кости,
Все спешили на базар
Продавать меха иль трости...

„Хор братьев Зайцевых“

Вот вам хор. „Хором братьев Зайцевых“ — зовется до сих пор. Так называться он имеет все права, потому хористы поют—кто в лес, кто по дрова.

Витька Чернов, дирижер, в движениях ловок и скор,

втайне мечтает быть дирижером и командовать всем хором.

Марков-Валяй стоит рядом, чарует всех девиц зажигательным взглядом, как возьмет в руки гитару,— поддаст всем истинно-рус-

дирижирует, в каком притоне придется, пьет — больше „за здоровье Гоца“, дирижер он корявый, зато — кучерявый!

А вот кумир интеллигентский — хорист Сашка Керенский, всем истеричным дамам знаком, поет тенорком,

ского жару, глотает четвертями водку и хорошо выбивает черносотенную чечетку.

Савинков Борька, с чувством поет, как жить на свете горько. Особенно хорошо поет про старые свиданья да про бесконечные скитанья...

Павлик Милюков. Всем аккомпанировать готов: еще недавно аккомпанировал на гитаре высокопоставленной паре: Дмитрию и Михаилу и любил читать лекции про ихнюю самодержавную силу...

А вот — певица черновская, Брешко-Брешковская.

Хоть стара, а подмигивает публике очами, трясет плечами, плывет по сцене павой, особливо — по сторонке правой, карьера у нее блестящая, не даром на афише значится:

„!!! Брешко-Брешковская — настоящая“ !!!
Дарвалдай.

Рифмованный словарь „Рабочего“

А.
АКУЛА. Ненасытная кровожадная рыба — акула —

Завелась и у нас, только „Нэпом“ подуло.

„АМПИР“. Стремись к духовной жизни, спекулянтский мир Открыл свой „кул т-просвет“ под вывеской „Ампир“.

АРИСТОКРАТИЯ. Князья, помещики, графы — вот „аристократия“
Иначе зовется. знать... А лучше не знать ее!..
Ю.

РИЛКА!

Рис. худ. И. Малютина.

А в году двадцать втором
Вновь живут интеллигенты
Веселее с каждым днем
И — в карман кладут проценты.

Снова ИХ настали дни:
Лихачи у входа ждут их,
И катаются они
В милый «Яр» на шинах дутых!..
Д.

Мечты Нэпмана.

Дорогой Вольдемар!
Какой у тебя самый ходкий товар?
Как твои операции по свинцу и олову?

Что до меня, то деловой угар
Совсем закружил мне голову.
Поверишь ли, от бесчисленных дел
Я даже похудел.

А, может, тут другая причина:
Ведь, я какой ни на есть мужчина.

Ой, какие попадаются „номера“,
У тебя, что, все та же?

Переменить уж пора.
Побывай в Москве, в Эрмитаже:

Магом тов рай!

Что хочешь, то и выбирай.

Да брат, теперь имеются не малые воз-
можности.

Не надо прежней осторожности,
Когда—прожил день, и слава богу!
Жизнь сворачивает на правильную дорогу.
Хоть она не вошла еще в полную фазу,
Но нельзя же все сразу.

Вот когда утром однажды,
Промочив глотку, пересохшую от жажды,
Крикну я горничную Машу
Или Лизету,

А она принесет мне *нашу*...

Нашу нэпмановскую газету,
Ну тогда, лишь тогда,
Набравшись окончательно смелости,
Скажу я: — „Да!

Наши капиталы будут в целости!“

Это-ж не о, что теперь,
Когда нас пускают не во всякую
дверь,

А осчастливив льготным декре-
том,

Вроде-б насмеваются при этом:
— Терпим тебя, паскуда,
Покуда...—

А иной раз — тебя не спрашивают—
И таким декретом огорашивают,
Что нельзя не опешить,

А нет своей газеты, чтобы уте-
шить!

Меня иной раз, признаться,
под ложечкой сосет:

А вдруг беду не пронесет!
Хлопочем мы, нэпманы, хлопо-
чем,

Не жалея, можно сказать, своих
утроб,

А тебя сразу хлоп,

Положат в гроб
И отпоют в какомнибудь „Рабочем“!

Тоже газетка, я тебе скажу,
Я в нее редко гляжу.

А случайно увидишь на заборе—
Смех и горе!

Что ни страница, то несколько рож.
Правители то-ж!

Все какие-то рабочие да работницы,
По виду — конюхи да скотницы.

„Гер-рон труда!“

Послать бы их всех туда!..

Стану я любоваться этими образинами,

Товарищами Феклами, да Зинами,

Федями, да Фаддеями

И прочими злодеями,

Корявыми, раскосыми,

Одначе, не безго осыми:

У них пролетарское полноправие!

Начал я письмо за здравие,

А кончил за упокой.

Характер такой.

Одолевает сомнение.

Ну, мое почтение.

Жду от тебя приятного ответа.

(Ах, кабы нам своя газета!)

Будь здоров, дорогой Аптекман.

Подрядчик Шумтреста.

Исаак Нэпман.

Переписал Демьян Бедный.

Бег на месте.

Вандервельд в тумане светит...

(Мотив старый, слова—Гоца).

Вандервельд в тумане светит...

Уезжает он домой...

Там король его привет т...

До свиданья, милый мой!

* * *

На кого ты покидаешь

Всю эсерскую семью?

На кого ты оставляешь

„Подсудимую“ скамью?

* * *

Как, свою печаль развеяв,

Мне забыть с тобой роман?

Горько плачет Тим феев,

И тоскует—Гендельман...

* * *

Без тебя одни мы снова...

Без тебя наш грустен вид...

Колокольчик Пятакова

Угрожающе звенит...

* * *

Без тебя так сердце бьется...

(О, эсер забытый, плачь!)

Так прими-ж привет от Гоца,

Шлет поклон тебе—Лихач...

* * *

Вандервельд в тумане светит...

Слезы тают на лету...

Нас мотор закрытый встретит,

Мы умчимся в темноту...

Талой-Сякой.

Вандервельдовы тары-бары.

Как приехал за границу Вандервельде Эмиль из-за тысячи миль, из большевицкой России, и говорит Ллойд Джорджу слова такие:

— „Не было в моей жизни дня более богатого, чем июня двадцатого! На улицах народ—не перечесть и все—про мою честь! Знамена ярко-ярко красные, а на них надписи прекрасные: „Да здравствует Вандервельде Эмиль!“, „Двухполовинный—вещь, а прочие Интернационалы—гил!“ Взгляну налево, посмотрю направо,—все кричат мне „Слава вам, слава!“.

Да, русский народ меня не обидел: я сам своими глазами видел, памятник мне воздвигли в Москве какой—большой пребольшой. Тот памятник не стоит на месте и не застыл в каком ни будь торжественном жесте. Нет, на такие памятники уже прошла мода; мой памятник иного рода: все время в движении, а не в одном только положении! Не стоит и в землю не врос: его все время рабочий на руках нес! Ходит этот памятник ходуном, зовется „королевским плясуном“...

Словом, жил я в России на всем готовом: не житье, а масленица там нашей адвокатской нации! Любо смотреть на такие демонстрации!

Пускал Ллойд-Джорджу в глаза пыль Вандервельде и Эмиль, этой пыли была куча на куче!

А я Вандервельду скажу: везде хорошо, а дома—лучше! |

Краснобай.

О департаментских натурах,—господах совбурах...

Рис. худ. П. Малютина.

Взяв в охапку портфели,
Загалдели Емели—
Записные совбуры,

Все пошли заседать.

Телеграмма—Главдому,
Стенограмма—Главхиму,
Отношенье—Главкожу...

Красота! Благодать!..

Здесь—за стычку стычка:
Не пришла Цен роспичка!
Только Центроотмычка

Тщетно ждет полчаса!

Долго ждать—это пытка!
Где же, где Центронитка?
Где же Центрооткрытка?

Нет ее! Чу—де—са!..

В изумительной давке
Спорт центры и главки!
Тут—входящие справки,

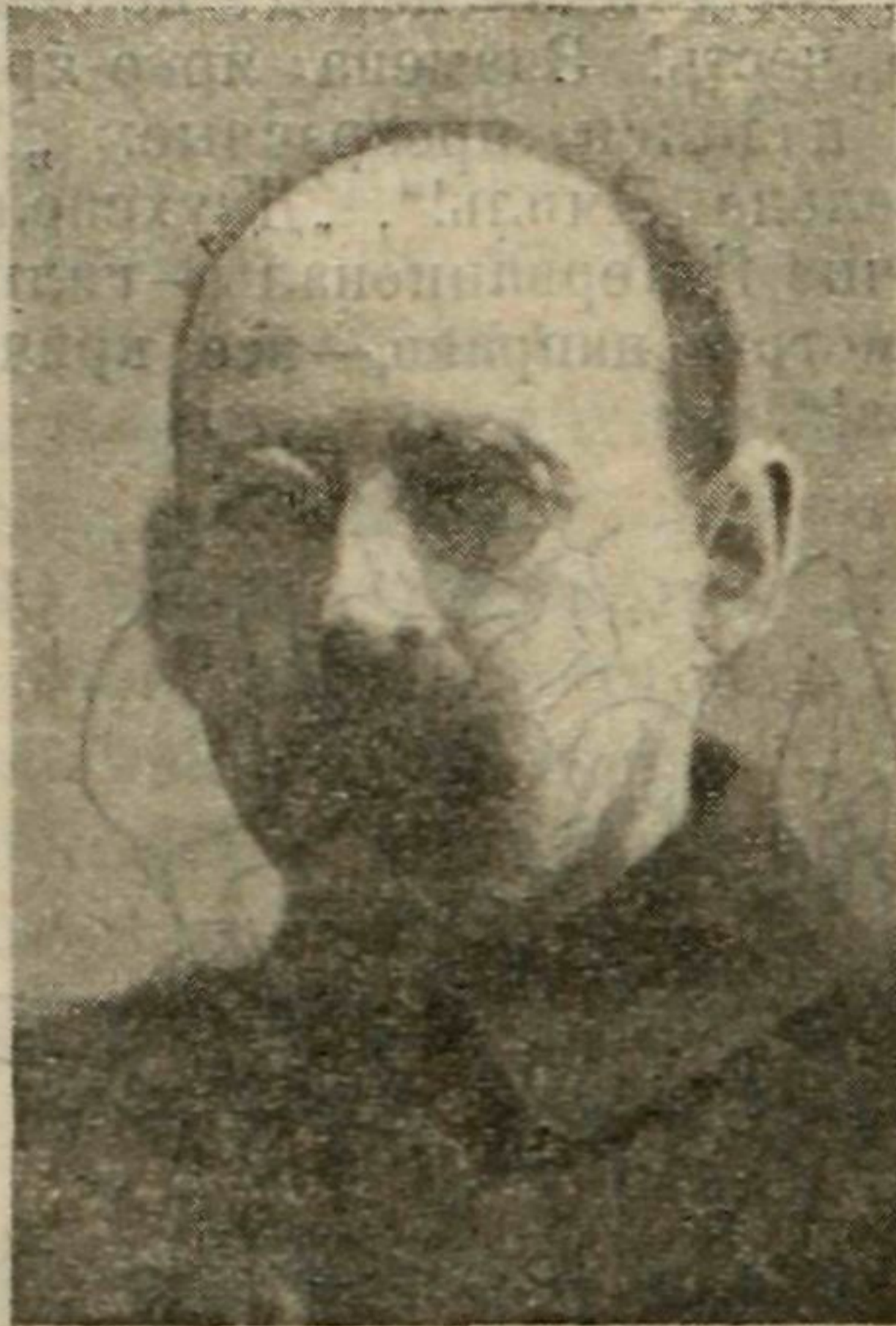
Заявления—там!..

Эх, сказать не пора ли:
— „Вдоволь мы заседали—
Стулья все проломали!“

Ну-с, айда по домам!..

Пересмешник.

Наша делегация на Гаагской конференции.

Тов. Н. Н. Крестинский.
Представитель Р. С. Ф. С. Р. в Берлине.

Тов. А. Б. Красин.
Народный Комиссар внешней
Торговли.

Недавно на конференцию в Гаагу выехала русская делегация под председательством заместителя комиссара по иностранным делам т. М. М. Литвинова. В состав делегации входят: председатель Совета Народ-

ных Комиссаров Украины т. Х. Г. Раковский, народный комиссар внешней торговли т. Л. Б. Красин, полномочный представитель РСФСР в Берлине т. Н. Н. Крестинский и зам. народ. ком. финансов т. Г. Я. Сокольников.

Гаагская конференция должна будет разрешить целый ряд вопросов, которые не были разре-

Тов. М. М. Литвинов.
Заместитель Народного Комиссара
Иностранных Дел.

шены в Генуе. Для нас имеет первостепенную важность вопрос о финансовой помощи Советской республике. Без разрешения этого вопроса нельзя разрешить других.

Неизвестно, как будет протекать Гаагская конференция, но во всяком случае состав нашей делегации заставляет думать, что интересы РСФСР на конференции страдать не будут.

Т. Литвинов в беседе с журналистами заявил, что во всяком случае в Гааге, как и в Генуе

Тов. Х. Г. Раковский.
Председатель Совнаркома и Народный
Комиссар Иностранных дел Украины.

Тов. Г. Я. Сокольников.
Заместитель Народного Комиссара
Финансов.

русская делегация будет защищать суверенные права рабоче-крестьянского правительства и интересы русских рабочих и крестьян.

А рабочие и крестьяне должны помочь в этом делегации своим доверием и стойкостью.

Демонстрация 20 июня. — У Колонного зала Дома Союзов.

Демонстрация 20 июня. — Общий вид Красной площади.

Володарский — с нами!

Мы шли толпою плавной,
Могучи спайкой славной,
И нашей мыслью главной
 Был Володарский — вожды!
Хоть вы его убили, —
Его слова в нас жили,
Дивились мы их силе,
Мы чуяли их мощь!

* * *

Мы шли живой лавиной,
И был наш крик единый:
— „Долой двухсполовинный
 Интернационал!
Смерть белым изуверам,
Продавшимся эсерам!
Дорогу к новым эрам
 Проложит Трибунал!“

Мы шли к великой цели...
Знамена ярко рдели,
И ленты пламенели
 Пожаром на груди...
Режим будь проклят барский!
В наш праздник пролетарский —
Как будто Володарский
 Шел бодро впереди...

* * *

С тобой, трибун наш лучший,
Мы шли толпой могучей, —
Пред розовою тучей
 Под вольной песни звон...
Твой зов нас к жизни будит!
Звучать в нас вечно будет:
„Кто старое забудет, —
 Тем оба глаза вон!“

В. Березов.

Демонстрация 20 июня. — На Красной площади.

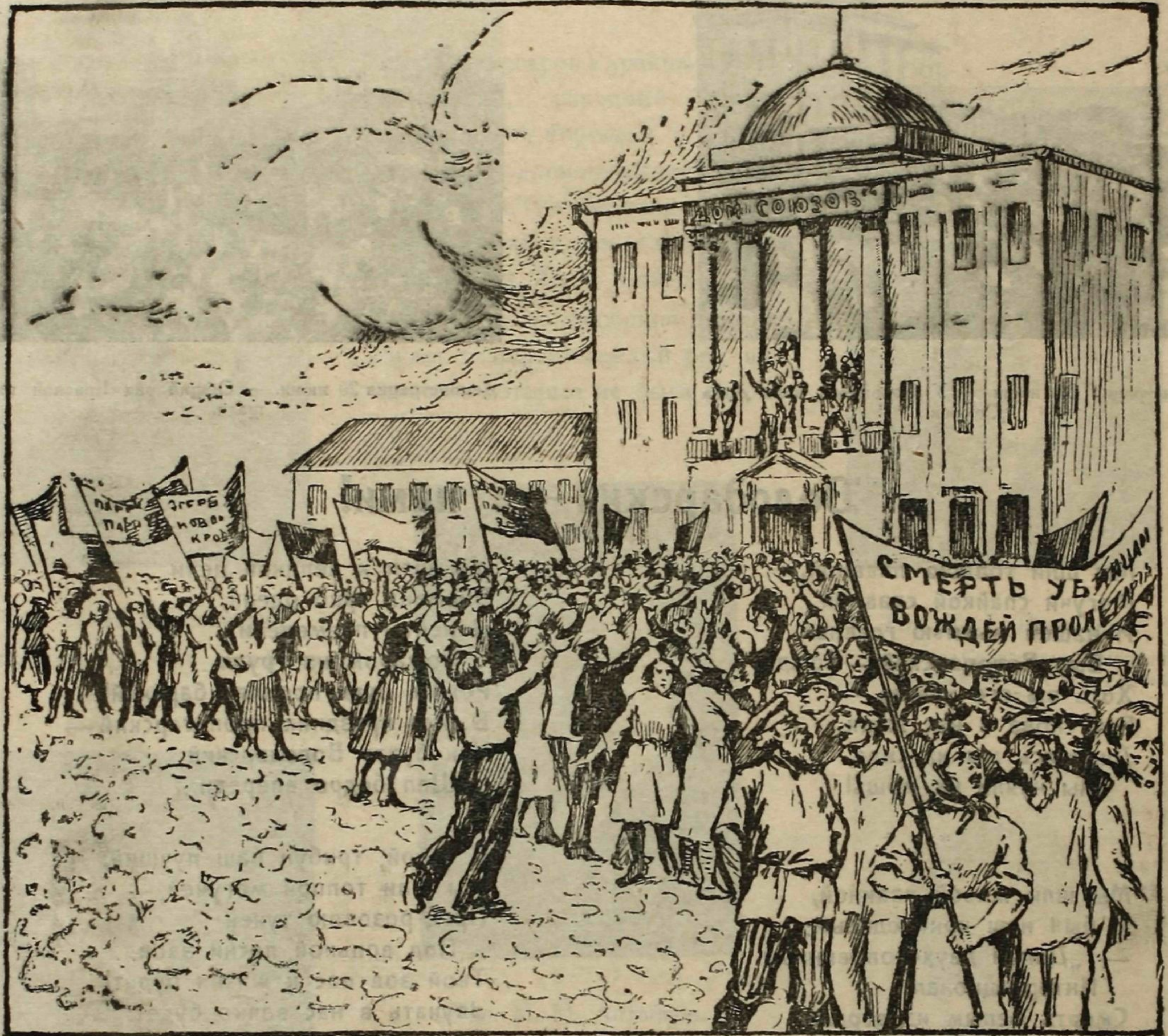

Демонстрация 20 июня. — Рабочие колонны у Трибуны.

Рис. худ. Аксельрод.

Демонстрация 20 ию

У ДОМА СОЮЗОВ.

Демонстрация 20-го июня в память т. Володарского.

Белогвардейские заграничные писаки продолжают изливать целые ушаты грязи на Советскую Россию и коммунистическую пар-

тию в связи с процессом эсеров. Они хотят кого-то убедить, что массовое народное возмущение против партии эсеров подделано

„большевистскими жандармами из че-ка“ под страхом штыков и чуть ли не расстрела.

Демонстрация 20-го июня па-

Калоша г. Вандервельде.

Рабочая колонна.

„Королевский плясун“.

я 1922 г. в г. Москве.

Рис. Худ. Топоркова.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. Рабочие колонны проходят мимо трибуны.

мяти т. Володарского разом опровергает всю эту гнусную клевету, 20 го июня против эсеров была вся рабочая Москва. Сотни тысяч рабочих и работниц шли под лозунгами: „Долой партию, затевающую новую гражданскую войну!“ — „Самая суровая кара — убийцам вождей рабочего класса!“.

„Долой социал-динамитчиков!“ вот что говорили другие простые, но ядовитые плакаты, сделанные самими рабочими, изображающие Вандервельда в калоше и с дергающимися руками и ногами на ниточках с надписью „Королевский плясун“; они показали какую оценку дают рабочие бежавшим защитникам эсеров.

Вся рабочая Москва побывала на Красной площади 20-го июня. И когда революционный суд давал свой отчет о ходе процесса — рабочие и работницы Москвы знали и помнили, о питерских рабочих собравшихся у могилы т. Володарского. Они чувствовали их настроение, слышали их волю.

И может быть потому особенно сурово звучали лозунги, речи и петиции московского пролетариата 20 июня на Красной площади.

На трибуне.

Рис. худ. Пшеничников.

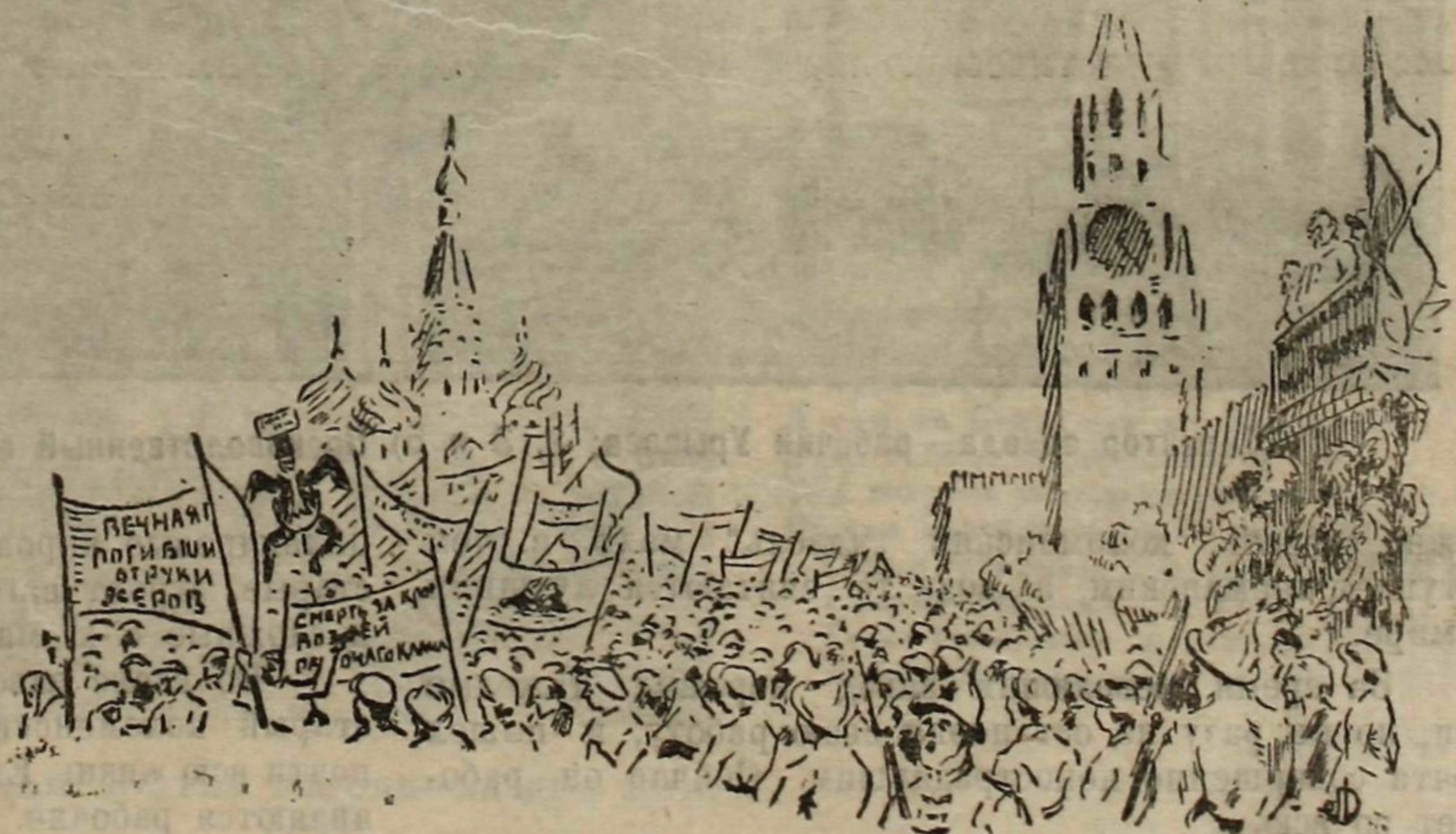
Тов. Ю. Л. Пятаков.

Т.т. Феликс Кон и Клара Цеткин.

Тов. Л. Б. Каменев.

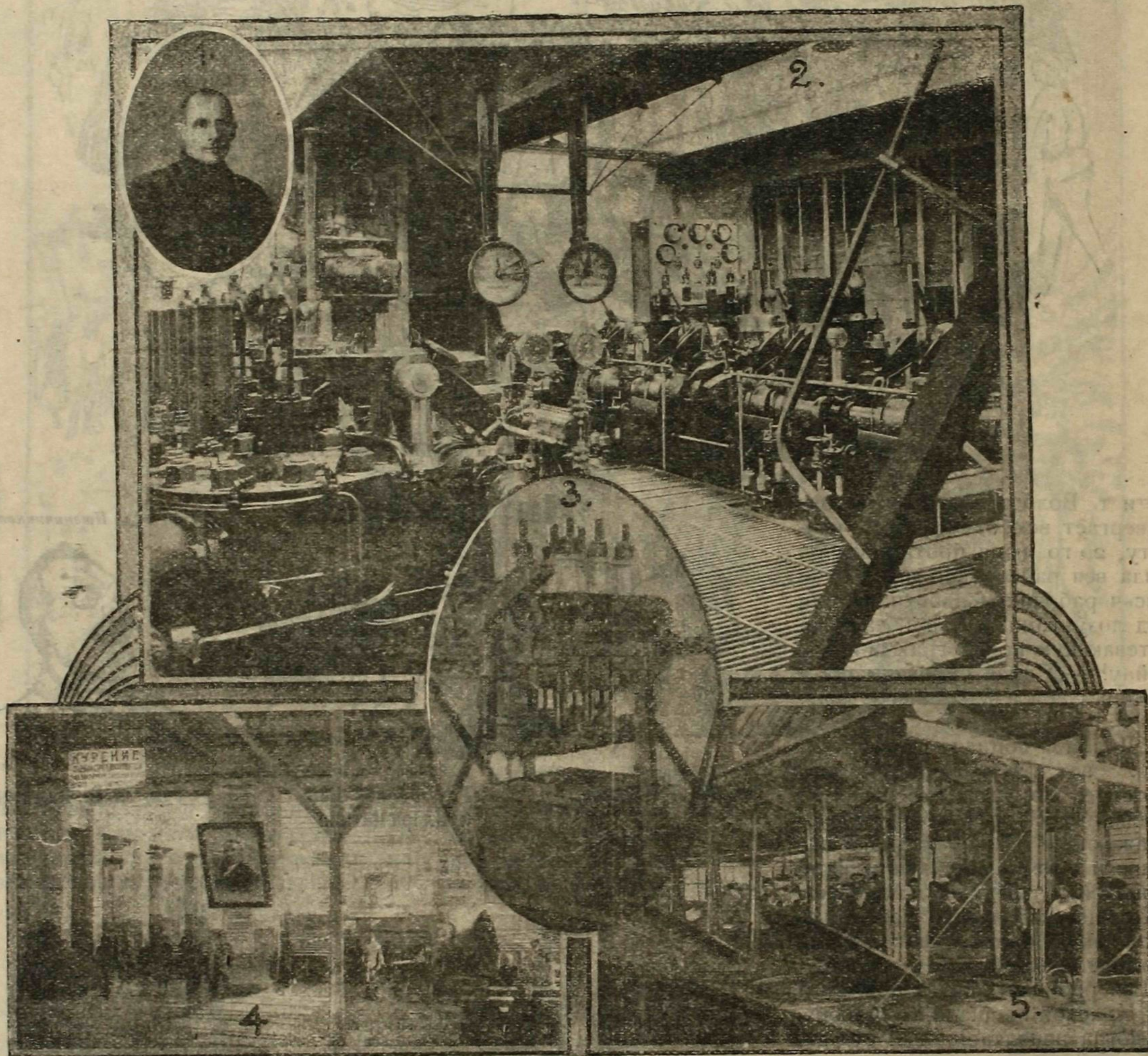
Общий вид Красной площади.

На Коломенском заводе.

Коломенский завод—это один из крупнейших русских машиностроительных заводов. До революции он ежегодно выпускал около 200 паровозов, свыше 1000 вагонов. С начала же войны в нем стало развиваться и судостроение. Но особенное значение коломенского завода для русской промышленности заключается в том, что это единственный крупный завод в России, который строит двигатели внутреннего сгорания. И,

Свыше 9.000 рабочих заняты в мастерских и отделениях завода. Прогулы сократились и не превышают нормального процента. Производительность растет с каждым днем: довольно высокая производств. программа на 1-го июля 22 года будет выполнена с излишком. Основным сырьем и топливом завод обеспечен на год...

Сейчас завод prepares новые мощные 4-х

1) Директор завода—рабочий Урываев; 2, 3 и 5) Производственный аппарат; 4) Клуб Коломенцев.

нужно сказать, коломенский „дизель“ мало в чем уступает германским, а ведь те считаются лучшими в мире.

За время революции завод пережил тяжелые дни, но ни разу не остановил свою работу, и вышел почти совершенно непострадавшим. Сейчас он работает во всю.

цилиндровые паровозы систем „Моней“, ремонтирует старые, строит вагоны, дизеля, тракторы, локомобили и сложные с.-х. машины.

Во главе завода стоит директор т. Урываев; это старый коломенский рабочий, проведший на заводе почти всю жизнь. Его ближайшими помощниками так же являются рабочие.

Так работают коломенские металлисты. В. Л.

Помни о голодных!

Село Казанки Бузулукского у.—Старуха стонет в предсмертной агонии.

Снимки из голодных мест... Есть вещи, которые нужно объяснять, есть позорные и глупые дела, над которыми нужно смеяться, которые нужно бичевать.

О голодных снимках нельзя говорить,—не для потехи, не ради интереса и глупого аханья помещены они здесь. Это снимки — нечеловеческих страданий, снимки смертных мук.

Пусть увидят те, кто помогает голодным хотя бы и из последнего, как нужна их помощь. Забывшие пусть вспомнят свой долг. И безконечным позором пусть будут эти снимки для

тех, кто очерствел в своей сытости, кто так или иначе срывает дело помощи голодным.

Голод еще не побежден Рабоче-крестьянская власть делает все, что в ее силах, чтобы спасти голодных, чтобы избежать повторения голодовки. Заграничные ра очие, сами едва сытые, посылают русским голодающим товарищам все что могут. И все таки голод еще не побежден. Умирают взрослые, умирают дети, сотни тысяч обречены на гибель.

Правда, голод сдал свои первые позиции, он идет на убыль. Но с ка-

ким трудом приходится отвоевывать у него хотя бы одну жизнь, жизнь одного ребенка! А до нового урожая еще так далеко. Не успокаиваясь, не отделяясь отдельными жертвами и годочками, нужно увеличить помощь и помогать до конца. Нельзя устать помогать! Каждый день нашей усталости стоит жизни тысячам взрослых и детей

Мелочи будничной жизни, политика, Гагская конференция и процесс правых эсеров—пусть не мешают нам помнить о голоде.

Голод еще не побежден. И кому недостаточно слова, пусть посмотрит на снимки.

Село Ефимовки. Бузулук. у. Старик-скелет трупоед.

Бузулук. Изолятор-мертвецкая. Жатва голода—за два дня.

В хлебе кто откажет ребенку
Голодному и больному,
Если он протянет ручонку
На пороге ваше о дома?

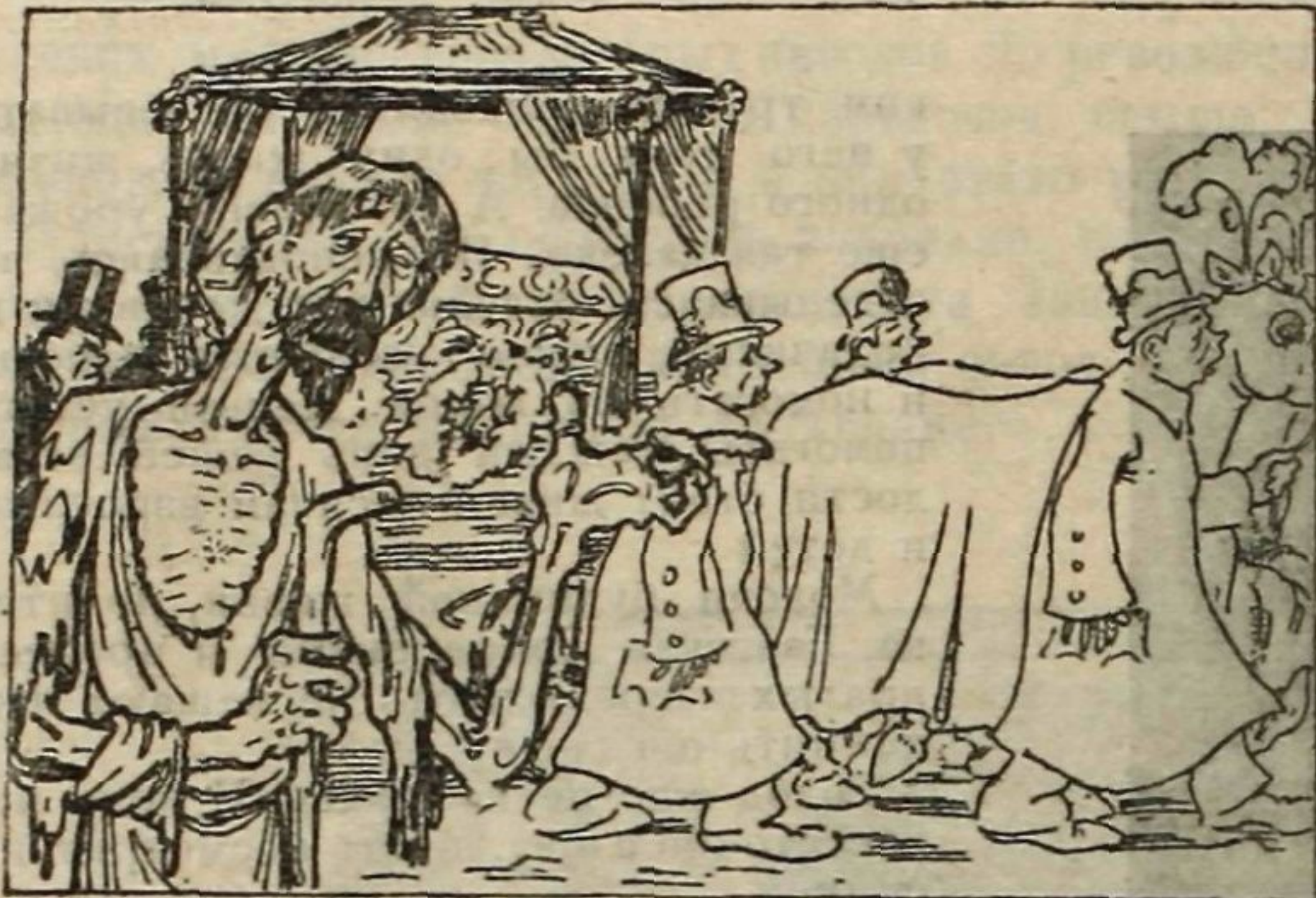
Никто, никогда. В это я верю,
Каждый поможет сразу, — ведь
Еще не родилось такого зверя,
Чтоб детям голодным отказывать.
А там на Поволжье их миллионы,
Этих голодных детишек,
Там несутся голодные стоны,
Из-под каждой дырявой крыши.
Семьи голодных, больные, бездомные,
Смерть ожидают с тоской.
Горю большому — и помощь огромная
Эй! Размахнитесь ка щедрой рукой!

В. КУМАЧ.

Н А Ш Б Ы Т.

Иллюстр. К. Фридберга.

С голоду и мертвому позавидуешь.

А вот картинка лучше чем на эсеровском процессе Едет похоронная процессия Хоронят какого то буржуя. Идет голодный корку жуя. И увидав похоронные ценности и украшения, шепчет с тоской и волнением:

— Эх и живут же люди!

Над этой картинкой не смех, а горькая слезинка „Плевать на рабочий класс—на чзек бы с вас“!

Близок локоть, да не укусишь.

Вот еще картинка, как живут от страха и холода дрожа наши ночные сторожа. Целые ночи не смыкают очи. Охраняют горы платьев и елы,— а сами никак не выйдут из нужды. Теперь надоело им получать гроши,— просят: в союз запиши.

— Давно пора!

Как передевают из сапог в лапти.

Есть всем нужно хлеб наш насущный Но иногда бывает картинка такая: приходит в ресторан непман, и служ щий в чайнии „на чая“ червем перед ним изгиб ется. Непман над ним потешается: — „Ик! Скажи, братец, ты не большевик? А — то большевикам на чай и нельзя давать, я-чай“?

Нет выше позора и конфуза, как без ведома союза жалованья не брать, да из „господских ручек чаевые жрать.

Два живота.

Картинка любого московского рынка. Сядет новичок играть в три листика — мигом его и обчистили. Другой дурачок, потерявши голову, купит золотые часы... из олова Картинка эта достойна внимания безусловного в особенности для розыска уголовного.

Богатый выбор.

Надо хоть на день набить живот, к торговцу толстому идет народ,—хоть и ругается.

А вот у попа пустота—не берут его „вечного живота“—как ни старается.

Картинка в заключение: — „Куда пойти рабочему в воскресенье“?

Здесь все так ясно, что добавлять к этому напрасно.

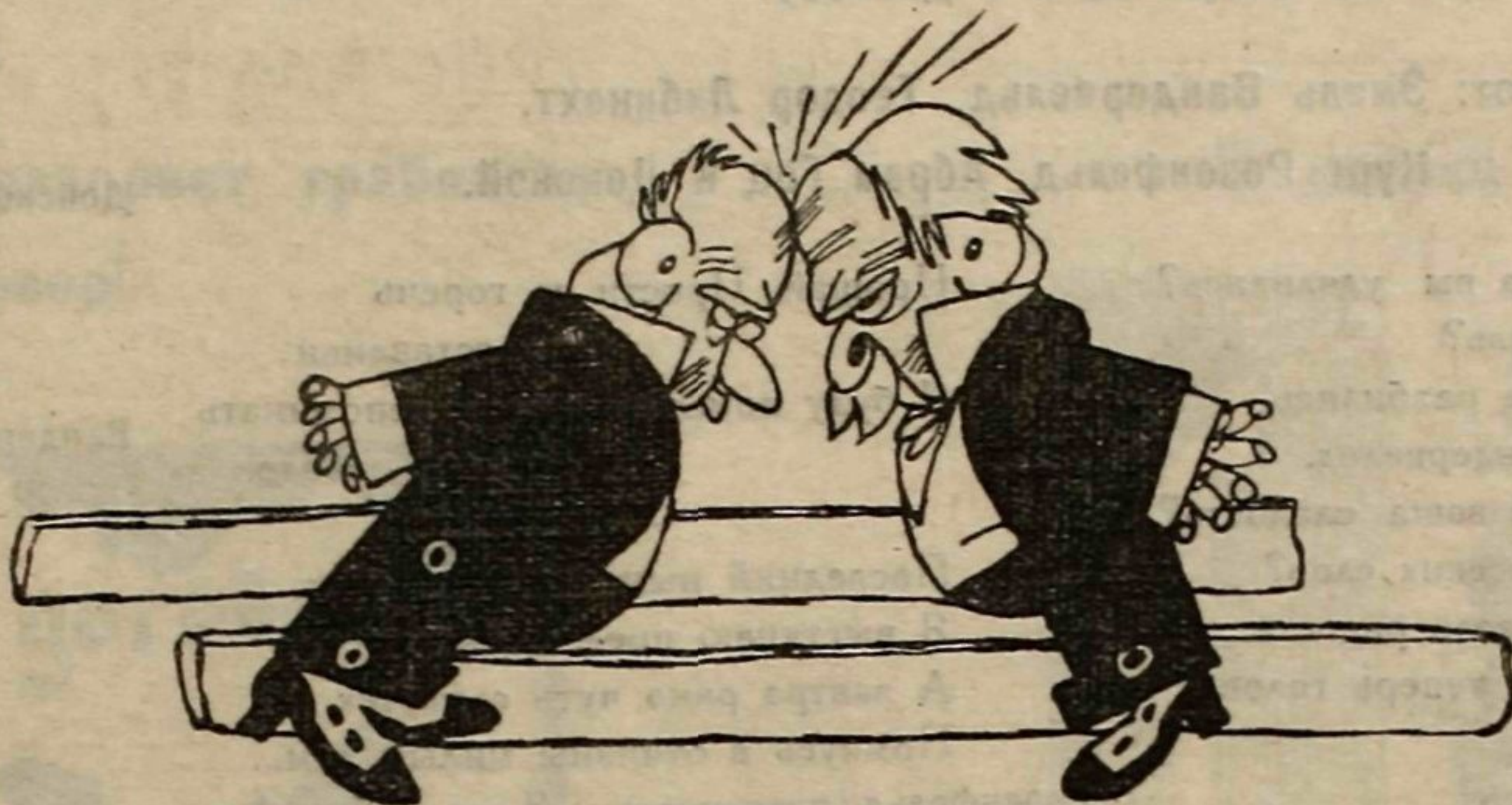
В. К.

Кiosk „Рабочего“ на Нижегородской ярмарке. (Кустарные игрушки).

Дергунчин.

Кузнецы.

Рис. худ. М. Черныш.

Вандервельд.

Пуанкаре и Ллойд-Джордж.

Яичко.

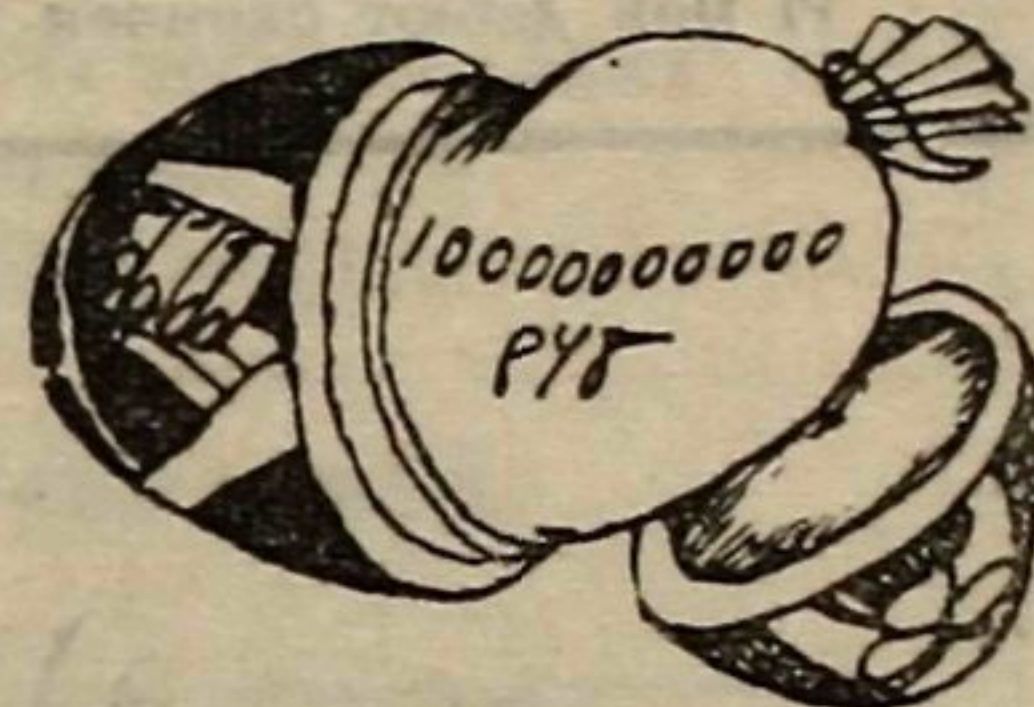
Снаружи.
(См. ниже).

Ванька-встанька.

Шатун.

Яичко.

Пупсик.

Частный хозяйчик.

Внутри.

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ ЭСЕР.

Жила-была красавица Эсер, всем хорошим проституткам в пример, имела у белогвардейцев успех немалый, а особенно любили ее царские генералы.

Заводил с нею роман Пилсудский пан, любила она также Ллойд-Джорджа, хоть похож он на дрессированного моржа, уходил от нее на заре господин Пуанкаре.

Пилсудский давал ей отведать польского пряничка и называл ее „Гендельманичка“, Ллойд-Джордж твердил ей: „Умчимся в дальние края, Гоцочка моя!“, Пуанкаре называл ее волшебною сказкою, а Гинденбург обещал ей подарить всю нефть кавказскую...

Жила красавица Эсер припеваючи, генеральское добро наживаючи, но добро ихнее не пошло впрок: засыпалась она, как нечестный игрок.

Так, вспоминая своих ухажеров любимых, набрела красавица Эсер—на скамью подсудимых!...

Красный сказочник.

Грустное прощание.

(Почти оперетта в 1 действ).

Участвуют: Эмиль Вандервельд, Теодор Либкнехт.

Курт Розенфельд, Абрам Гоц и Донской.

Гоц (грустно). Куда, куда вы удалились?
 Меня оставите ужель?
 Надежды наши все разбились,
 Жестокосердый Вандервельд.
 Мечты, мечты—где ваша сладость?
 Где аромат французских слов?
 Прошли мечты, угасла радость.
 — Нам не сносить теперь голов...

Ах зачем ваша речь
 Так была хороша...
 Изболелася грусть
 И томится душа...

Вандервельд (благородно). Еще одно послед-
 нее свиданье,
 И мой дебют окончен на суде...

Прощай. Прости за горечь
 расставанья.
 Я буду помнить вас и вспоминать
 везде.

Последний нынешний денечек...
 Я выступаю пред судом,
 А завтра рано чуть светочек
 Помчусь в отчизны милый дом...

Розенфельд (патетически). Я вас люблю. Лю-
 бовь еще быть может

В моей груди угасла не совсем,
 Но имя доброе защита уничтожит,
 И буду к вам отныне глух и нем...

Либкнехт. Ваши пальцы пахнут трупами,
 И в глазах горит разбой.

Порешили и не глупо мы
 Поскорей удрать домой.

Гоц. Догорели огни. Потускнели слова,
 Догорает надежда в спасенье,
 Тяжела на усталых плечах голова,
 Нам никто уж не даст избавленья...

Донской (Гоцу). Что нам до шумного света,
 Что нам друзья и враги?
 Было бы сердце согрето
 Жаром взаимной любви.

Вандервельд. Прощайте навсегда. Навеки
 песня спета,

Мне пятаковский стал не вмоготу
 звонок.

Пойду искать по белому я свету
 Где оскорбленному есть чувству
 уголок.

Из праха вышли мы и обратимся
 в пыль.

(Вотерсу).

М-сье Вотерс—мой автомобиль!..

Исбах.

Самогонная лирика.

Рис. худ. И. Малютина.

Меня друзья живьем хоронят...
 Ну, что же? Правда, я того-с...
 Куда ни ткнусь, — отсюду ГОНЯТ
 Меня за слишком красный нос...

Но пусть друзьями я не понят,
 Нет, — никого я не виню:
 Меня уж более НЕ ГОНЯТ,
 Теперь, простите, — Я ГОНЮ!..

М.

Из иностранных журналов.

Мировой пролетариат разорвет грабительский договор!..

Из журнала „Дэр Варс Якоб“, Штутгарт.

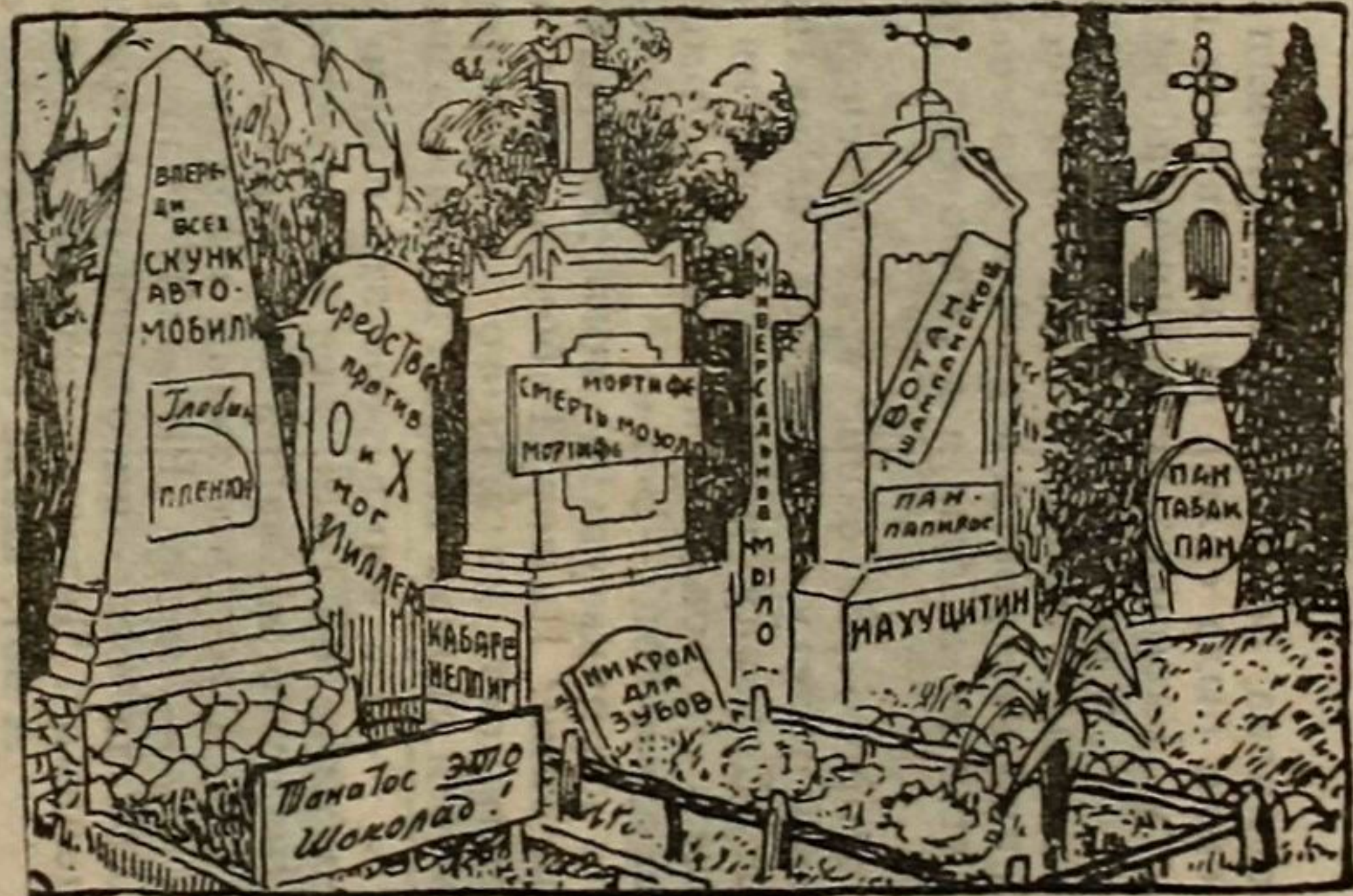
У дверей.

Из журнала „Смех“ Париж.

— Скажите, вы давно без работы?
 — Я, сударыня, родился в 1869 году!

В погоне за рекламой.

Пуанкарэ и голубь мира.

Из журнала „Смех“, Париж.

Сказка без слов.

Из журнала „Симплиссимус“ Мюнхен. Скоро, поди, и наши нэпманы до этого дойдут!..

Пуанкарэ—резник.

Из журнала „Симплиссимус“ Мюнхен.

Теперь мы можем приступить к новой постройке!..

Открыта подписка на июль и август

НА ГАЗЕТУ

„РАБОЧИЙ“.

„РАБОЧИЙ“ уделяет особое внимание защите интересов рабочих в частных и государственных предприятиях.

„РАБОЧИЙ“ газета не для рабочих, а газета самих рабочих. Главное место на его страницах уделяется статьям, письмам и корреспонденциям рабочих. Собственные корреспонденты за границей. Много рисунков каррикатур.

По воскресеньям „РАБОЧИЙ“ выходит с бесплатным, для подписчиков, иллюстрированным и сатирическим приложением.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: в Москве и в провинции с доставкой и пересылкой на июль 80 руб., на август—100 р. Можно подписываться сразу и на два мес. Подписная плата увеличена не будет. Подписка должна адресоваться исключительно в Главную Контору газеты „РАБОЧИЙ“. Москва, Страстной бульвар, Путьниковский пер., д. № 3 (быв. „Утро России“). Суммы указаны в дензнаках образца 1922 года.**— НЕ ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ „РАБОЧИЙ“! —**

Узнав, что на газету „Рабочий“ объявлена подписка, белогвардейцы гриняли это к сердцу близко У Ллойд-Джорджа прямо-таки рожу и рекосило (пот как в этом обзвлении была сила!), он подошел к подписчику вилотную и завел речь такую: — В глупости своей не подписывайся! на газету „Рабочий“ не подписывайся! Куда годится эта рабочая газета? Правды в ней — мало например, она ничего про то не написала, что на Генуэзской конференции и был председатель, а моим помощником был факта, мой приятель. Затем „Рабочий“ ничего не написал о том, что и всенародно избран ирландским королем. Об этом не пишут, а набрасываются на меня лихо, особенно мне достается от художника Черемныха: ну и штрих! Ну и кисть! От таких каррикатур мне и жить не в жисть! А то еще не люблю я в „Рабочем“ дарвалдайскую шавку: област, — остается только подавать в отставку!

А вот, что говорит владелец частный, для которого „Рабочий“ враг опасный! — Скажу тебе, по писчку, по секрету, не читай газету эту: вешает она на нас всех своих собак и ставит нас под стеклянный колпак. Потом я должен сказать вашему поэту Демьяну: побольше уважения к иппманскому стану! Что за неприличный тон! Прочитайте хотя-бы его сегодняшней фельетон! Подсмотрел он меня на медни в „Эрмитаже“, так мокрого места не оставил даже! А хотите знать, что говорит о „Рабочем“ господин Гоц? — Вот-с:

— Недавно „Рабочий“ сдуру поместил на меня карриктатуру! А того „Рабочий“ не знает, что меня вся Россия обожает и, полная великого умеления, ждет от меня лишь спасения? Пишет „Рабочий“ день ото дня небыллицы разные про меня, а почему он скрыл, что Гоца-оратора прилащают на должность китайского императора?..

Вертится перед подписчиком Тихон-Белавин, который своими белыми делами славен, и говорит голозом, доходящим до пика: — На черта тебе эта подписка? Газету „Рабочий“ почитаешь, и нас, служителей Бога, уже не почитаешь! Никакого уважения к духовному сану! Никакого внимания бездонному проповскому карману!

А вот, что зудит в подписочный момент господин интеллигент:

— Газету „Рабочий“ только не учи читать и охочи, спроси у профессора любого, — ни одного иностранного слова! Ни „концепций“, ни „аперцепций“! Читаешь-читаешь-читаешь и даже ни разу язык не сломаешь!

А вот, какие слова исходят от Миллюкова Павлуши и льются прямо в подписчицкие уши:

— Газету „Рабочий“ читают лишь пострелы: ни одного слова про Дарданеллы!

Выслушай, товарищ, всю эту белогвардейскую свору и дай деру в контору! И там, вдали от черноготенного сквернословия, изучай подписочные условия!

